

Почему японцы любят Чехова?

В Доме-музее А.П.Чехова в Сумах открылась новая тематическая выставка

А.П.Чехов на пикнике у японского консула.
Южный Сахалин. Октябрь, 1830 г.

В РАМКАХ «Года Японии в Украине» Мемориальный дом-музей А.П.Чехова в Сумах приглашает сумчан и гостей города ознакомиться с тематической выставкой «Чехов: японский взгляд», на которой представлены печатные издания и фотоматериалы из фондов музея.

Неутомимый путешественник Чехов проплыл мимо Японии лишь однажды, в 1890 году, возвращаясь по морю с Сахалина, где он собирал материалы о каторге. Но сойти на японский берег он тогда так и не смог из-за карантина - была эпидемия холеры. Отсутствие личного знакомства Чехова со Страной восходящего солнца не помешало

годам были переведены почти все основные произведения великого писателя, и японские читатели получили возможность наслаждаться ими и судить о них. Переводчиком «всего» Чехова с русского оригинала был Накамура Хакуё. Собрание сочинений Чехова в 18 томах в его переводе вышло в 1933-1935 годах. Эти переводы неоднократно переиздавались и в послевоенные годы.

Не будет преувеличением сказать, что сегодня Япония занимает одно из первых мест в мире по количеству, да и по художественному уровню переводов произведений Чехова.

У японцев свой портрет Чехова: человек небольшого роста, с теплыми и нежными глазами. Сама скромность и немного-

мы читаем произведения Чехова, - пишет прозаик и драматург XX века Сига Наоя, - то постоянно чувствуем теплые глаза автора, которыми он смотрит на своих персонажей. Человек не всегда по своей природе красив или мужествен. Иногда он бывает безобразным или глупым. Можно даже сказать, что Чехов чаще описывает именно таких людей, но он никогда не смотрит на них злыми глазами. Он нежен к ним, защищает их. Поэтому под пером Чехова безобразное не выглядит безобразным и глупое не выглядит глупым. И читатель чувствует в этом тихую красоту. Эта красота, наверное, результат большого таланта и любви Чехова к людям».

Такое чеховское отношение к объекту художественного изображения понятно и очень близко японцам, воспитанным на национальной классике эпохи Хэйан (VIII-XII вв.) с ее особым вниманием к человеческой личности не в ложно героическом обличье, а в естественности своего индивидуального существования.

Японцы с трудом свыкались с мощным каркасом толстовских эпопей. Даже такой крупный реалист, как Арисима Такэо, восторгался «Анной Карениной», считал недостатком романа сюжетную многолинейность, полифоническую структуру. Чехова же интересуют часть вместо целого, изображение одного кратного вместо суммарного. Как писал Томас Манн, «все его

писал: «В сфере психики тоже частности. Храни Бог от общих мест. Лучше всего избегать описывать душевные состояния героев...» Как известно, современная Чехову критика не сразу уловила новизну чеховского психологизма и высказывала предположения, что писателя вовсе не интересует психология его героев.

В этой связи вспоминается чеховское «Приданое»: писатель рассказывает о горе старой женщины, потерявшей любимую дочь, для которой она из года в год готовила приданое. В окончательном варианте рассказа Чехов даже исключает слово «смерть», достаточно, что на старухе было черное траурное платье.

Своеобразие художественного мышления Чехова можно заметить и в оригинальной концовке его рассказов. Писатель не стремится удивить, поразить читателя перестановкой эпизодов, эффектной, непредвиденной развязкой событий. В рассказе «Невеста», например, по законам традиционной новеллистической композиции развязка должна была быть драматической - бегство из дома героини, отказавшейся выйти замуж за своего жениха, и скандал. Однако в рассказе скандала не происходит. Фабула интересна для автора не движением событий, а движением внутренней жизни героини.

Чехов по-своему понимает роль фабулы в повествовании.

японцам оценить писателя более других всемирно известных европейских литераторов. Почему? На этот вопрос отвечает статья крупного специалиста по японской литературе, востоковеда корейского происхождения Ким Рехо.

Чехов. «Вишневый сад». Япония. Эти слова, просто поставленные рядом, уже вызывают множество ассоциаций. Чехов, как и вишневый сад, — часть японской жизни. Конечно, дело не в названии знаменитой чеховской пьесы и даже не в том, что элегическая грусть гибнущего под ударом топора вишневого сада отозвалась глубокой болью в душе японцев. Сама личность Чехова, его творческая манера очень близки японской художественной традиции.

В декабре 1945 года, когда в стране только начинала возрождаться культурная жизнь после войны, в центре Токио, в полуразрушенном здании театра «Юракудза» состоялась первая послевоенная премьера. Это был «Вишневый сад» Чехова (в последний раз японцы видели его в 1937 году).

Известно, что Чехов считал свои произведения, созданные на чисто русском социальном материале, не интересными для иностранцев. Однако его опасения не оправдались. Не только в Европе, но и в Японии, казалось бы, очень далекой от русских культурных традиций, Чехов стал одним из наиболее часто переводимых писателей. Только за 1949-1955 годы «Вишневый сад», например, выходил на японском языке 11 раз в восьми разных переводах.

Еще при жизни писателя в Японии были изданы четыре его произведения в переводе Сэнума Каё — выпускницы женской семинарии при русской духовной миссии: «Дачники» и «Альбом» в 1903 году, «Тссс!» и «Бабы» в 1904 году. К началу 20-х

словность, в которой заложена мудрость. Очевидно, что зот портрет писателя создан в духе национальных японских традиций: величие в малом. Эстетика японцев внешним чертам ложной значительности противопоставляет значительность слабого и малого. Говорят, что один из японских писателей, побывавший в Доме-музее Чехова в Ялте, даже смутился, узнав, что Чехов был под два метра ростом...

Популярность Чехова в Японии объясняется не только актуальностью поднятых им проблем, но и определенным сродством чеховской поэтики и поэтики японского классического искусства. Восприятие Чехова в Японии необходимо рассматривать в контексте национальной художественной традиции. Лаконизм чеховского рассказа, его мягкие тона, тончайшие нюансы, склонность писателя оставлять произведения недосказанными, а также внимание к деталям — эта повествовательная манера, непривычная для западного читателя, для японцев была органичной. Чехов возводил краткость в своеобразный эстетический принцип, он говорил, что писатель должен не утопать в мелочах, а уметь жертвовать подробностями ради целого. Тут нельзя не вспомнить знаменитую притчу о мастере Рикю, которую передают в Японии из поколения в поколение: желая вместить красоту в один-единственный стебель повилики, он срезал в своем саду все остальные цветы.

Япония — родина самого короткого в мире стихотворного жанра — хокку: трехстишие вмещает в себя Вселенную. В прозе также утвердилась малая форма «рассказ с ладонь величиной». «Малая краткость», которая сохранилась у Чехова на всю жизнь, искони присуща также и японской литературе. «Когда

монументальности». А это легко согласовывалось с японской художественной традицией.

Завороженный прелестью чеховского рассказа «Шуточка», известный писатель Ито Сэй находит в нем нечто японское. В эссе «Очарование Чехова» (1960) он пишет о том, почему эта лирическая миниатюра с грустной развязкой стала одним из его самых любимых произведений: «В предельно естественной и простой, как будто даже и не реалистической манере писатель изображает человеческие радости и печали, причем дает только их наиболее существенный штрих. В этом очарование Чехова. Такие простота и ясность доступны лишь гению».

В «Шуточке» какой-то пустяк из дней юности стал предметом изящного рассказа. Чехов не искал источников вдохновения в сфере исключительного, напротив, он находит лирику в обыденности. Это очень роднит Чехова с японской классикой с ее особым вниманием к повседневности: в любой мелочи, как в капле росы, может отразиться целый мир.

Японцам кажутся вульгарными и безвкусными пышные пионы, сильно пахнущие орхидеи, они находят очарование в полевых цветах, безымянных травах и замшелых камнях. «Во вкусах японцы очень просты и превыше всего ценят естественность, что и показывает их образ жизни», — писал критик Мацухара Ивао.

Близок японскому мироощущению и чеховский психологизм, его «пропуски» в описании внутреннего мира персонажей. В своей изобразительной манере Чехов всегда оставался верен принципу опоры на отдельные детали, на «частности». Из этих «частностей» у читателя складывалось представление о внутреннем состоянии чеховских героев, их переживаниях. Чехов

торых событийности, по существу, отсутствует («Счастье», «На пути» и др.). Отсутствие действия, по мнению исследователей, как раз и обуславливает философское и поэтическое настроение этих новелл. Вместо «ударной» концовки Чехов как бы приостанавливает движение событий, предоставляя читателю возможность самому поразмыслить о жизни.

Такое понимание Чеховым функции финала в рассказе не могло не привлечь внимания японских читателей, воспитанных на традициях национальной классической поэтики, которая пренебрегала внешним эффектом неожиданной развязки («оти»), предпочитая ей «ёдзё» — послечувствование, невыраженные эмоции — ассоциативный подтекст, призванный активизировать воображение читателя.

Финал в рассказе Чехова строится не по традиционным законам новеллистической композиции. Но этот не традиционный для западной новеллистики чеховский изобразительный прием естественно «вписывается» в традиции японского искусства. И это еще одна причина особой притягательности чеховского творчества для японцев. Не случайно в эссе и статье японских литераторов довольно часто встречается признание (и не без гордости), что японцы лучше, чем европейцы, понимают тончайшие нюансы чеховских рассказов, повестей и драм.

Тяга японцев к творчеству Чехова, его писательской личности органична. Она связана с их художественной натурой, их эстетическими представлениями о прекрасном.

Вот трехстишие Асахи Суэхи-ко из его книги «Мой Чехов»:

Ноябрьская ночь.

Антон Чехова читаю.

От изумления немею.